

ФИЛОЛОГИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. А. Бабаев

ПОНЯТИЯ ЗВУКА И БУКВЫ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Анализируются термины, используемые первыми русскими грамматистами Лаврентием Зизанием и Мелетием Смотрицким для обозначения звуков и букв в ранних русских печатных грамматиках, в которых система фонетических единиц строится на противопоставлении гласных и согласных, а графическая система языка отражает разные способы обозначения фонем на письме.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая фонетика, лингвистическая терминология, грамматики XVII в.

Одно из ключевых понятий ранних русских грамматик обозначалось термином письма (письмо).

Исследователи отмечают, что первые грамматисты не разграничивали понятий звука и буквы. Например, говоря о грамматике Мелетия Смотрицкого, П. С. Кузнецов, в частности, считал, что тот «ясно не разграничивал еще букв и звуков» [Кузнецов, 1958, 27].

Термин «письма» (позднее, в грамматиках XVIII в. — «литера», «буква») употреблялся как полисемантический, обозначающий, с одной стороны, букву, графический знак, а с другой — звук, единицу фонетическую.

В грамматике Лаврентия Зизания этот термин (в форме «письмо») дается без дефиниции. Но его употребление в значении графического знака ясно выражено при определении значения термина «орфография»: «Орфография есть первая часть грамматики, которая нас учит ‘АБЫМО’ каждое письмо на его месте писали» [Зизаний, 1972, 2]. В значении звука этот термин употребляется при определении значения терминов гласная письма и согласная письма: «Гласная же письма и глас подати могут сами о себе, и слог составить», или: «Такоже и согласная письме-

на, ниже глас дают, ниже слог составить могут о себе, но токмо с гласными» [Там же]. Для человека, чётко не разграничивающего понятия звука и буквы, подобное утверждение невозможно. Согласный как звук не является самостоятельным, и, конечно же, именно согласные в русском языке не могут являться слогообразующими и в слоге примыкают к гласному.

В грамматике Мелетия Смотрицкого термин «письмя» определяется как «реченная часть нераздельная» [Смотрицкий, Аг], т. е. как единица членения речи, к которой можно отнести как букву, так и звук.

И если предположить, что данное определение Мелетий Смотрицкий относил именно к звуку, то это была бы первым в русском языкознании робким подступом к понятию минимальной, далее неделимой фонетической единицы, блестяще сформулированному лишь в конце XIX в. выдающимся российским языковедом И. А. Бодуэном де Куртенэ и названному фонемой.

Таким образом, уже в семнадцатом веке речь рассматривалась с точки зрения её сегментации, когда выделялась минимальная единица членения речевого потока — письмя.

О том, что под термином «письмя» понимался не только и не столько письменный знак, говорит и то, что ему приписывались, кроме чисто графических, ещё и свойства звуков. В грамматиках, например, ставилась задача изучать, во-первых, «естество письмен» [Там же, Ав], и, во-вторых, «свойство их» [Там же]. Под первым подразумевается буква, графический знак, что недвусмысленно вытекает из определения: «Что есть письмен естество; Есть коегождо письмене достолепное начертание» [Там же]. А под «свойством письмен», на наш взгляд, понимаются свойства звуков. Примером того, что Мелетий Смотрицкий дифференцировал понятия звук и буква, является его определение букв **Ѣ** и **Ѧ** как не обозначающих звуков: «Сице не наричутся, понеже сама собою гласа издати не могут» [Смотрицкий, Аг].

Термин «письмя» обозначает целый класс единиц, состоящий из подклассов, что и выражено соответствующими терминами, в состав которых, как выразитель этого класса, входит письмя. Таких подклассов письмен три: 1) гласные письмена, 2) согласные письмена, 3) двогласные письмена.

Сочетания с «письмя» употребляются в единичных случаях, когда речь идет об общей классификации звуков (букв).

В терминологических словосочетаниях «гласные письмена», «согласные письмена», «двогласные письмена» один из компонентов (слово «письмена») выступает в качестве определяемого, тогда как другой («гласная», «согласная», «двогласная») — в качестве определяющего, в данном контексте несущего на себе основную смысловую нагрузку. Отсюда и возможность замены в обеих грамматиках терминов-словосочетаний на субстантивированные прилагательные — г л а с н а я , с о г л а с н а я , д в о г л а с н а я .

Система фонетических единиц в ранних русских печатных грамматиках строится на противопоставлении гласных и согласных. Основными признаками этого противопоставления в грамматиках XVII в. являются, во-первых, наличие или отсутствие голоса, а во-вторых, возможность или невозможность образовать слог. Оба этих признака выступают как существенные и включены в дефиницию терминов «гласная письмена» (гласная) и «согласная письмена» (согласная): «Гласная суть письмена,

которые голос з себе выдают. А согласная, которые з себе голосу выдати, и без гласных ничего справовати не могут. Як и тело без души не действует» [Зизаний, 1972, 2].

Как видно из определения, противопоставление гласных и согласных характеризует не столько графическую, сколько фонетическую систему русского языка.

Графическая система языка отражает разные способы обозначения фонем на письме. Поэтому графическая система в принципе допускает наличие не только букв, непосредственно обозначающих гласные и согласные фонемы, но также 1) букв, обозначающих сочетания двух гласных фонем или сочетания гласных и согласных; 2) сочетания букв, обозначающих одну фонему; 3) букв, обозначающих какой-либо признак фонемы.

Таким образом, фонетическая и графическая системы, хотя и соотносимые, но разные по существу, не могут быть полностью и адекватно описаны в одних и тех же терминах. Отрицание этого факта приводило как в ранних, так и в более поздних грамматиках к подмене понятий, путанице в определениях. Например, относительно термина дифтонг: «Колико есть Дифтонгов; четыре. оу **Ы**, **Ю**, **И**» [Зизаний, 1972, 4]. Термин заимствован из греческих грамматик и буквально обозначает следующее: *di* (s) — «дважды, двойной», *phthongos* — «голос, звук», по сути, являясь фонетическим термином. В обеих грамматиках ему соответствует термин двогласная письмена, или двогласная. В грамматике Лаврентия Зизания он определяется в терминах графики и обозначает механическое соединение двух гласных букв: «Сегоради Двогласная письмена нарицаются, понеже две письмене гласных совокуплешия, составляют едино письмо» [Там же]. Это демонстрируется на конкретных примерах: «Яко **О** и **У** совокуплешия составляют оу. Также **Ь** и **І**, **Ы**, **И** и **О**, совокуплешия составляет **Ю**. Также **І** и **Ѳ**, составляют **ИѲ**» [Там же]. Из этих четырех букв **Ы** и **Ю** обозначают звуки, никак не соотносимые со знаками, обозначаемыми сочетанием компонентов этих букв **Ь** и **І**, а также **І** и **О**. Зизаний противоречит самому себе, относя **Ы** к двогласным, так как первая составляющая этой буквы **Ь** им же самим относится к согласным: «На колико разделяются согласная; На две. На простая, и на сугубая. Колико есть Простых; 21. **Б В Г Д Ж К Л И Н П Р С Т Ф Х Ц Ч Ш Ъ Ы Ѳ**» [Там же].

Мелетий Смотрицкий термин «двогласная письмена» (или «двогласная») приводит без дефиниции. И если у Лаврентия Зизания этим термином обозначаются буквы, представляющие единый графический знак, то у Мелетия Смотрицкого в одном ряду с подобными буквами приводятся и сочетания букв, не являющихся единым графическим знаком, например **ІѲ** [Смотрицкий, Ад], и это говорит о том, что для Мелетия Смотрицкого важен не сам графический знак, а то, что он обозначает. К двогласным он относит и букву **Ѳ**, которую трудно отнести к составленным из двух гласных букв, но обозначающую сочетание звуков. Поэтому, очевидно, для Мелетия Смотрицкого двогласная письмена, или двогласная, — это фонетическое понятие. Есть, правда, в этом вопросе противоречие и у него. Не вписывается в фонетическое понимание Смотрицким двогласных **Ы**, которое было включено в группу двогласных из тех же соображений, что и в грамматике Лаврентия Зизания.

Таким образом, термины «гласная письмена», «согласная письмена», «двогласная письмена» (или гласная, согласная, двогласная) употребляются в обеих грамматиках как термины и фонетики, и графики без должной терминологической дифференциации, что характерно для начального этапа развития русского языкознания.

В некоторых определениях родовых и видовых понятий в грамматике Мелетия Смотрицкого обнаруживается непоследовательность. Так, термин «припряжноглас-

ная», обозначающий видовое понятие по отношению к термину «гласная», обозначающему родовое понятие, в своём определении имеет признаки прямо противоположные признакам родового понятия, т. е. они «сама собою гласа издати не могут», а также не могут образовать слога, т. к. в «словах же согласным припряжена» [Смотрицкий, Аг]. То же противоречие возникает между понятиями, обозначенными родовым термином «согласная» и видовыми «подгласна» и «безгласна». Согласные только с гласными «глас издают» [Там же, Ae], а в определениях «подгласных» и «безгласных» указывается на наличие голоса. «Подгласна... более гласят. Безгласна менее гласят» [Там же]. Очевидно, эти противоречия привели впоследствии к тому, что данные термины или вышли из употребления, или употреблялись в другом значении, что будет показано ниже.

Отношение понятий, обозначаемых терминами «гласная» и «двогласная» — это отношение «компонент — целое», что подтверждается определением термина двогласная: «...две письме гласных... составляют едино письмо» [Зизаний, 1972, 4].

Термин «двогласная письмена» (двогласная), так же как и термины «гласная письмена» (гласная) и «согласная письмена» (согласная), обозначает видовое понятие. Родовое понятие для них обозначается термином «письмя» (письмо).

В грамматиках XVII в. делается попытка фонетической классификации согласных. Смотрицкий пишет: «Вторым согласных разделением суть ова {Изменяемая: Обоящающая: Таемая: Сугубая: Сугубствующая: Странная}.

Термин «изменяемая» даётся без определения. Приводится список согласных (г, к, х, ц, ж, ч, ш), обозначенных данным термином, и примеры, показывающие изменение, происходящее с этими согласными (дрогъ / дроузе), и др. Это изменение в современной терминологии называется чередован и е м. Но если в современной терминологии под данным термином понимается замена (позиционная или непозиционная) одного звука другим, то термином и з м е н я е м а я в исследуемый период обозначены сами согласные, вступающие в чередование, т. е. обозначено изменение согласного (чередование) как признак этого согласного. Остальные термины данной группы имеют определение или пояснение.

Термин с л о г. Наряду с термином «письмя» термин «слог» обозначает одно из важнейших понятий грамматики. По классификации Мелетия Смотрицкого, слог — с точки зрения членения речевого потока — занимает предшествующую письменам позицию (слово — речение — слог — письмя) и стоит в одном ряду с такими понятиями, как речение и слово: «Раздленным убо бывшим сче письменем, настит прочее ведати что есть Слог / что Речение / и что Слово... Слог бывает с письмен» [Смотрицкий, Би].

Отношение понятий «письмя — слог» — это отношение «целое — часть», где целое может быть равно и части. Причем данное отношение может быть реализовано и через видовые к термину «письмя» понятия, такие как гласная и согласная. Это характерно для определения понятия слога как Лаврентием Зизанием, так и Мелетием Смотрицким: «Что есть слог; Слог есть, снтие гласного с согласным. Яко ба. Или уединение гласного. Яко **ѧ, И, О?**» [Зизаний, 1972, 5]. «Есть же слог дву или многих письмен сложение, или единаго гласнаго движение; Яко **оу ПО ВѦХЪ**» [Смотрицкий, Би]. Оба определения взаимодополняют друг друга и дают относительно полную картину понимания слога в тот период.

В современной лингвистике широко представлены термины, обозначающие тот или иной признак как самостоятельное понятие. Встречаются такие и среди фонетических терминов, например: глухость, звонкость, билабиальность, твёрдость и др. Отношение между термином, обозначающим признак, и термином, обозначающим объект, характеризуется как отношение «признак — носитель признака». Например, глухость — признак, согласный — носитель признака.

Подобное отношение отсутствует в структуре «орфографических» терминов рассматриваемых грамматик. В них нет терминов, классифицирующих сами признаки. Зато много терминов, классифицирующих объекты, в частности такие, как письма и слог. Поэтому «орфографическая» терминология пронизана родовидовыми отношениями. Названные объекты (письма и слог) разбиваются на классы. Основанием деления на классы являются те или иные признаки. Но признаки эти определяются не как категории, системно организованные, как, например, глухость — звонкость, твёрдость — мягкость, шумность — сонорность, огубленность — неогубленность, ряд, подъём и т. д., а как конкретные свойства, признаки конкретных явлений. Они лишь участвуют в системной организации объектов.

Поэтому термины, первоначально используемые как названия признаков объектов, позднее используются как названия самих объектов. Ведь термин гласная используется в грамматиках прежде всего для названия определённого признака или свойства писем. То же самое можно сказать о терминах согласная, двогласная и др. Как входящие в видовое понятие, они не обладают той семантической самостоятельностью, которая дала бы им возможность обозначать признак как понятие.

Таким образом, «орфографическая» терминология образует следующие парадигмы родовидовых отношений.

Для родового понятия, обозначенного термином «письма», видовыми, кроме названных выше гласной письмены, согласной письмены, двогласной письмены, являются долгая письмена, краткая письмена, двовременная письмена.

В свою очередь, термины «гласная письмена», «согласная письмена», «двогласная письмена» обозначают родовые понятия.

Для родового понятия, обозначаемого термином «гласная письмена», видами, кроме называвшихся уже самогласной и припряжногласной, являются долгая, краткая, двовременная.

Для родового понятия, обозначаемого термином «согласная письмена», видами, кроме называвшихся выше подгласной и безгласной, являются простая, сугубая, сугубствующая, изменяемая, обоящая, таемая, странная.

Для родового понятия, обозначаемого термином «двогласная письмена», видами являются понятия долгая, краткая, общая, свойственная, не свойственная.

И, наконец, для родового понятия, обозначаемого термином «слог», видами являются долгий, краткий, двовременный, кончаемый, предкончаемый, пропредкончаемый, предпропредкончаемый, прекончаемый, пропрекончаемый, непревосходный, начальный.

Термины «долгая», «краткая», «двовременная» употребляются в обеих грамматиках. Можно считать логически обоснованным их употребление в сочетаниях с терми-

нами «письмена», «гласная», «двогласная», «слог». Исходно они обозначают понятия «долгая гласная», «краткая гласная», «двовременная гласная», хотя напрямую в данных словосочетаниях не употребляются: «На koliko разделяются гласные; На три. На долгая, на краткая, на двовременная» [Зизаний, 1972, 3], или: «...разделяем гласная на трое: на Долгая: Краткая: и Двовременная» [Смотрицкий, Аг]. Непротиворечивым является их употребление с родовым для гласного понятием «письма», но в значении видового понятия. Например: «О Долгих писменах. О кратких писменах» [Зизаний, 1972, 11], а также: «От двовременных писмен бывает» [Там же, б], где речь идёт о гласных.

Мелетий Смотрицкий вводит для термина «двовременная» синоним общая: «Нарицают же ся сице, понеже в слогах стихотворного метра, количество имут долгая / долгое: краткая / краткое: двовременная или общая / общее» [Смотрицкий, Ад]. Он употребляет термины «долгая», «краткая», «двовременная» (общая) не только для обозначения трёх групп гласных, но и для обозначения **д в о г л а с н ы х**: «Двогласная... яко и гласная трегуба суть: Долгая Краткая, и Общая» [Там же, Ae].

Если учесть, что термины «гласная» и «двогласная» соотносятся как «компонент — целое», то классификация их по одним и тем же признакам логически непротиворечива, так как часть поглощается целым со всеми его признаками. Но может ли краткость или долгота быть двойной? Ответ на этот вопрос даётся в грамматике Лаврентия Зизания, для которого термины «двогласная», «дифтонг» и «долгая» — синонимы. Например: «...письмена, еже нарицаются долгая и двогласная, выну бывают долгая» [Зизаний, 1972, б]. На наш взгляд, здесь ясное понимание того, что любое сочетание кратких и долгих в двогласном даёт **д о л г и й**.

Что касается Мелетия Смотрицкого, то он признаёт, что позаимствовал подобную классификацию в греческих грамматиках: «Обаче по елку нам из Греческаго разделения силу, и Славенских гласных и двогласных писмен по Греческим приискренность вдети, искусных мужей» [Смотрицкий, Аг].

Свойства гласных и слога в обеих грамматиках находятся в причинно-следственных отношениях. Однако если Лаврентий Зизаний свойства слога ставит в зависимость от свойств гласного, то Мелетий Смотрицкий, наоборот, свойство гласного быть долгим, кратким или двовременным ставит в зависимость от характера слога. Сравни: у Лаврентия Зизания: «Понеже в Творческих стих се от сих писмен составивыся слог, слог долгий бывает. Краткая же також де нарицаются понеже краткий слог бывает» [Зизаний, 1972, 3], а также у Мелетия Смотрицкого: «Долгая суть: **И Ъ ѡ**: Краткая **Ѣ Ѵ**: Двовременная: **а і ѳ**. Наричаются же ся сице, понеже в слогах стихотворного метра, количество имут долгая / долгое: краткая / краткое: двовременная или общая / общее» [Смотрицкий, Ад]. При этом Лаврентий Зизаний ещё раз подчёркивает, что в образовании долгого слога одинаково участвует как долгий гласный, так и дифтонг: «Долгий слог есть, который от долгих же писмен, или Дифтонгов составлены» [Зизаний, 1972, б], т. е. дифтонг приравнивается к долгому гласному.

Термины «долгая», «краткая», «двовременная» (общая) в грамматике Мелетия Смотрицкого даются без определений. Определения этих терминов, данные в грамматике Лаврентия Зизания, тавтологичны и не раскрывают существа явления: «Письмена, еже нарицаются долгая и двогласная, выну бывают долгая... Краткая же пись-

мена выну бывают краткая» [Зизаний, 11]. Под двовременными понимаются такие гласные, которые бывают и долгими, и краткими. То же относится и к слогу.

В обеих грамматиках введение понятий долгой, краткой и двовременной авторы связывают с вопросами стихосложения: «Понеже в Творческих стих се от сих писмен составився слог» [Там же, 3], а также: «Двогласная по мере стихотворного количества, яко и гласная трегуба суть: Долгая Краткая, и Общая» [Смотрицкий, Ае], или: «По Греков мерительнаго в слогах количества разделению» [Там же, Аг]. А вопросы стихосложения в грамматиках непосредственно связаны с *п р о с о д и е й*, где терминами «долгая» и «краткая» обозначаются специальные знаки.

Понятия, обозначаемые терминами «долгая» и «краткая», противопоставлены друг другу. Термин «двовременная» обозначает общее понятие по отношению к конкретным долгой и краткой, например: «А двовременный есть, когда от двовременных писмен бывает слог долгий албо короткий» [Зизаний, 1972, 6]. Таким образом, термины «долгая» и «краткая» выражают отношения *а н т о н и м и и*, а термин «двовременная» с синонимом «общая» вступают в отношения «общее — конкретное» с терминами «долгая» и «краткая».

Единственным для обеих грамматик *о б щ и м т е р м и н о м*, обозначающим одну из групп согласных, является термин *с у г у б а я*. В грамматике Лаврентия Зизания он противопоставлен термину «простая» и обозначает согласные с двухкомпонентным звуковым значением: «На колико разделяются согласная; На две. На простая и сугубая... Колико есть Простых; 21. **Б В Г Д Ж К Л И Н П Р С Т Ф Х Ц Ч Ш Ъ Ы Ъ... Колико есть сугубых; пять сд-*с*, кс-*ж*, шч-*ш* g-пс**» [Там же, 3, 4].

Коррелятивность отношений между понятиями, обозначаемыми терминами «сугубая» и «простая», ясно выражена в их дефинициях: «Чесо ради простая нарицаются; Понеже ни от ких иных состояться, но сами о себе суть, и сего ради простая нарицаются...», и в противоположность этому: «Чесо ради сугубая нарицается; Понеже не сами о себе, но от иных писмен состояться. Ибо *с* от *С*, и *Д*, составися. И *з*, от *С* и *Д*» [Там же, 4].

Термином «сугубая» Мелетий Смотрицкий обозначает то же самое понятие, что и Лаврентий Зизаний, но согласных, включенных в группу сугубых, у него всего три:

«**Сугубаа, ж г Сце речнна, яко от дви пьменоу состоят: от Д и С. ж от К и С; г, от п и с**» [Смотрицкий]. Этот термин включён Смотрицким в следующий терминологический ряд: «Изменяемая: Обоящающая: Таемая: Сугубая: Сугубствующая: Странная» [Там же, А]. Для него это второе разделение согласных. Это разделение, однако, не имеет единого основания, единого критерия, как это было при первом разделении на «подгласн» и «безгласну». Поэтому отношения между понятиями, обозначенными приведёнными выше терминами, вряд ли можно считать коррелятивными. Так, например, термином «изменяемая» обозначены чередующиеся согласные (с точки зрения их буквенного выражения, т. е. непозиционные в современной терминологии): «Изменяемая суть **г к х ц ж ч ш: ДРѢТЬ / ДРѢТЬ**» [Там же].

Термин «таемая» скорее всего обозначает фонетические особенности согласных [л], [м], [н], [р]. Он обозначает плавность перехода от согласных, обозначаемых термином «обоящающая»: «Таемая суть **л м н р: Сце речнна, яко в томжде речении обоящающим припряжена тают**» [Там же]. А «обоящающая суть: **Б В Г Д К П С Т Х Ц: Сице речнна, яко в мере стихотворнаго художества таемым прѣ^праже^на**

